

Калачев Д.Н., Полулях Д.С.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ — НАТО В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья анализирует отношения между Россией и НАТО в контексте кризиса современной системы глобального управления. Проводя анализ общих мероприятий в сфере глобального управления, а также важнейших проблем в отношениях Россия-НАТО, авторы показывают наличие фундаментальных препятствий для развития сотрудничества между сторонами. На данном этапе противоречия между Россией и НАТО обостряются, что является проявлением кризиса системы глобального управления и общего тренда нарастания турбулентности в мировой политике и системе международных отношений. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, дискурс-анализ, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Под глобальным управлением авторы понимают деятельность по определению приоритетов, упорядочению процессов и решению проблем на всех уровнях международной системы в различных сферах международных отношений, основывающуюся на постоянном взаимодействии различных акторов, заключении ими формальных и неформальных договоренностей, функционировании институтов, правил и практик. Авторы делают вывод, что турбулентность мирового развития и распространение соответствующего дискурса заставят акторов искать новые, «ограниченные» стратегии глобального управления.

Ключевые слова: политика, общество, США, государство, гибридные войны, цветные революции, демократия, интересы, НАТО, безопасность.

Review. The article analyzes the relations between Russia and NATO in the context of the crisis of modern system of global governance. Analyzing the common practices in the field of global governance, as well as the most important problems in Russia-NATO relations, the authors reveal the fundamental obstacles in the way of development of cooperation between those parties. At this stage, the contradictions between the parties exacerbated, as a manifestation of the crisis of global governance and the general trend of increase of turbulence in world politics. The methodological basis of the study includes a systemic, structural-functional, comparative-historical, comparative-political, geo-political, cultural and civilizational approaches, discourse analysis, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, observation. When we talk about global governance, we mean the work involving the setting of priorities, streamlining processes and problem solving on all levels of the international system in various areas of international relations, based on the constant interaction of different actors, the making of formal and informal arrangements, operation of the institutions, as well as rules and practices. The authors conclude that the turbulence in world development and dissemination of relevant discourse make actors look for new, «limited» strategy of global governance.

Keywords: interests, democracy, color revolutions, hybrid war, state, USA, society, politics, OTAN, security.

Мирорегулирование и стабильность международной системы в последние 70 лет в значительной степени зависели от отношений России и стран Запада. В настоящее время Российская Федерация и НАТО являются крупными акторами глобального управления во многих сферах.

НАТО является одним из ключевых игроков в области трансрегионального управления безопасностью. За последние два десятилетия организация провела ряд военных операций (в Боснии, Косово, Афганистане, Ливии и т.д.), которые имели цель предотвращения конфликтов. США и НАТО все это время стремились

преподносить свои стратегии как выражение мнения и интересов всего мирового сообщества. Даже факт того, что военные действия альянса против суверенной Югославии были совершены без санкции Совета Безопасности ООН, преподносился не как нарушение фундаментальных принципов системы глобального управления, а как переход к новой форме такого управления, когда моральные нормы вытесняют «устаревшие» и «недостаточные» нормы устава ООН. Озвучивались идеи о том, что «Вестфальская модель мира, строящаяся на принципах государственного суверенитета, постепенно должна смениться системой глобального «управления без правительства», основанной на понимании сообщества демократических государств как «широкого униполюса» мирового сообщества в целом, о необходимости расширения такого сообщества до демократического мира в целом и о том, что его консенсус должен стать критерием для принятия решений, ограничивающих или нарушающих суверенитет отдельных государств»^[1].

Российская Федерация также играет значительную роль в современном глобальном управлении. Россия — крупная ядерная держава, полноправный член «группы двадцати», а также до 24 марта 2014 г. и «большой восьмерки». Россия занимает привилегированное положение в ООН, является членом ШОС и других влиятельных структур. Заметную роль в глобальном управлении Россия стала играть в XXI веке. Если в 1990-х гг. США, мощнейший мировой актор, нередко игнорировали Россию, то в 2000-х они стали рассматривать ее как важного игрока на международной арене. Свой вклад в глобальное регулирование Россия стала осуществлять благодаря многосторонним переговорам и активной деятельности в Совбезе. Особенно можно отметить ту деятельность, которая была направлена на ограничение притязаний Соединенных Штатов.

Под глобальным управлением мы понимаем деятельность по определению приоритетов, упорядочению процессов и решению проблем на всех уровнях международной системы в различных сферах международных отношений, основывающуюся на постоянном взаимодействии различных акторов, заключении ими формальных и неформальных договоренностей,

функционировании институтов, правил и практик. Сегодня все больше исследователей подчеркивает, что глобальное управление не может осуществляться единственной державой или даже блоком держав. Объективные тенденции развития мира поставили вопрос о более активном включении в систему глобального управления государств, находящихся за пределами «ядра» современного международного сообщества (таких как Россия, Индия, Китай и др.), а также различных транснациональных акторов. Важной задачей в рамках этого вопроса было налаживание сотрудничества в области обороны между странами Запада и Россией.

Сорокалетнее историческое противостояние «Запад — Восток», обеспечивавшее устойчивость послевоенной системы международной безопасности, с окончанием холодной войны для Российской Федерации и НАТО, официально отказавшихся от взаимной конфронтации, сменился периодом поиска путей конструктивного взаимодействия.

Для налаживания более тесных отношений с бывшими странами ОВД в декабре 1991 г. НАТО был учрежден специальный орган — Совет североатлантического сотрудничества, который с российской стороны рассматривался, как элемент новой общеевропейской системы безопасности. С появлением программы «Партнерство ради мира» ССАС в 1997 г. передал полномочия Совету евроатлантического партнерства. В декабре 1996 года была достигнута договоренность о начале переговоров России и НАТО о заключении нового соглашения — основополагающего акта Россия — НАТО. В соответствии с Разделом II Акта был создан Совместный постоянный совет Россия — НАТО (далее — СПС), обеспечивающий «механизм для консультаций, координации и в максимально возможной степени, по мере необходимости, для совместных решений и совместных действий в отношении вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность»^[9]. 28 мая 2002 г. на авиабазе под Римом состоялись подписание главами государств и правительств стран-членов НАТО и Российской Федерацией Римской декларации «Отношения Россия — НАТО: Новое качество» и официальное учреждение Совета Россия — НАТО (далее — СРН), который

стал заменой СПС. С этих пор СРН стал основной структурой, ответственной за развитие сотрудничества между Россией и странами НАТО.

На данный момент основные направления сотрудничества между сторонами включают себя:

- борьбу с терроризмом;
- контроль над вооружениями;
- сотрудничество по Афганистану;
- военную реформу;
- противоракетную оборону театра военных действий;
- нераспространение ОМУ;
- гражданское чрезвычайное планирование;
- научное сотрудничество и др. [2]

Кратко остановимся на двух областях сотрудничества: борьбе с терроризмом и сотрудничестве по Афганистану.

Следует подчеркнуть, что ни в какой другой сфере совместных усилий позиции России и государств-членов НАТО не совпадают ближе, чем в противодействии возрастающему влиянию на глобальные процессы фактора *международного терроризма*.

В сентябре 2004 года после серии террористических актов, совершенных в России, впервые в истории Совета Россия — НАТО состоялась его внеочередная сессия, где послы СРН категорически осудили терроризм во всех его проявлениях и выразили свою решимость активизировать и расширять совместные усилия в деле борьбы с этой общей угрозой [15]. За этим последовали конкретные шаги, включая разработку «Плана действий Совета Россия–НАТО по терроризму», одобренного 9 декабря 2004 года на заседании СРН на уровне министров иностранных дел.

В рамках разработанного Плана действий СРН против терроризма в середине 2005 года в Любляне (Словения) была организована конференция «Уроки недавних террористических актов: укрепление национальных ресурсов и институтов», положившая начало сотрудничеству в данной области [12]. В мае 2007 года в Анкаре состоялась конференция, основное внимание которой уделялось развитию эффективного сотрудничества с целью улучшить понимание тактики и методов террористов.

В 2011 г. в Берлине был согласован обновленный План действий Совета Россия–НАТО по борьбе с терроризмом [10].

Еще одним важным направлением практического сотрудничества в рамках Совета Россия — НАТО является *сотрудничество по Афганистану*. Борьба с незаконным оборотом поступающих из Афганистана наркотиков, составляющих 90% от объема [5] производимого в мире опия, — это одна из важнейших проблем, стоящих перед мировым сообществом.

В октябре 2006 года состоялся первый выпуск афганских специалистов по борьбе с наркотиками, обучавшихся под эгидой СРН в Международном межведомственном центре подготовки сотрудников подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков при ВИПК МВД России в г. Домодедово. Аналогичная подготовка проводится в Турецкой международной академии по борьбе с наркотиками и организованной преступностью (ТАДОК). Программой подготовки предусмотрены занятия по ведению проверок на местах, досмотру, обнаружению и закрытию подпольных лабораторий, а также обучению важнейшим принципам и методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Кроме того, в семи странах–участницах Проекта проводятся мобильные курсы подготовки местных кадров. К октябрю 2013 г. в рамках данного проекта СРН прошли подготовку около 3 тыс. сотрудников [10]. СРН и УНП ООН совместно с руководством стран–бенефициаров следят за тем, как по завершении программы обучения СРН прошедшие подготовку сотрудники непосредственно приступают к исполнению своих служебных обязанностей в соответствующих национальных структурах.

В 2011 г. благодаря СРН был создан Трастовый фонд по техническому обслуживанию вертолетов. Он обеспечивает обслуживание и ремонт вертолетного парка ВВС Афганистана. Главная цель программы — укрепление сил и средств, необходимых для более эффективной эксплуатации российских вертолетов. Кроме того, с 2008 г. Россия оказывала поддержку миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ) в виде организации транзита по своей территории невоенных грузов [10].

Несмотря на устойчивую тенденцию расширения сотрудничества между сторонами

по вопросам регионального и глобального управления, всегда оставались вопросы, по которым Россия и страны НАТО не могли достигнуть согласия. Это касается таких проблем как расширение НАТО на Восток, размещение элементов американской ПРО в Европе, адаптация ДОВСЕ и др. Кроме того, отношения России и НАТО трижды находились на уровне сравнительно высокого напряжения в результате столкновения позиций сторон по существующей международно-правовой дилемме «территориальная целостность государства — право нации на самоопределение» в эпизодах Косовского, Юго-Осетинского и Украинского конфликтов. Во всех случаях обострение данного противоречия между Россией и странами НАТО оканчивалось кризисом: замораживанием деятельности существующих форматов (СПС и СРН) и совместных программ.

Не стал исключением и идущий в настоящее время украинский кризис. В опубликованном 1 апреля 2014 г. Заявлении министров иностранных дел стран НАТО говорится: «Мы приняли решение приостановить все практическое гражданское и военное сотрудничество между НАТО и Россией. Наш политический диалог в Совете Россия–НАТО может продолжаться по мере необходимости на уровне слов и выше, чтобы позволить нам обмениваться мнениями прежде всего об этом кризисе» [4].

Текущий виток напряженности отношений между Россией и Западом, вызванный украинским кризисом 2014 г., безусловно, сильно ударил по современной системе глобального управления. Проявляется это во многих событиях, начиная от сворачивания проектов кооперации и попыток исключения России из G8 и некоторых других многосторонних форматов, и заканчивая общим отдалением сторон друг от друга.

Развитие глобального управления требует глобального диалога и координации усилий между мощнейшими державами. Однако в данный момент (как, собственно, и всю новейшую историю взаимоотношений России и стран НАТО) отсутствует важнейшее условие для расширения сотрудничества: доверие между сторонами [13].

Исследователи называют несколько причин сторон не доверять друг другу. Со стороны России важнейшая причина — это игнорирование

ее позиции по вопросам региональной и глобальной безопасности (бомбардировки Югославии, план размещения ПРО и т.д.). Со стороны США — это возрастающая независимость и непредсказуемость поведения России, а также сомнение в устойчивости российской государственности и необратимости демократического вектора развития России [8].

Однако, «похолодание» в отношениях между Россией и НАТО — это лишь одно из проявлений текущего кризиса системы глобального управления. Если говорить в терминах дискурс-анализа, то можно сказать, что сегодня сам *дискурс глобального управления* начал вытесняться из глобального дискурсивного пространства. Дискурс глобального управления начал распространяться в начале 90-х благодаря трудам неолиберальных теоретиков международных отношений, а также деятельности Комиссии ООН по глобальному управлению. Пик интереса к проблеме глобального управления приходится на конец 1990-х гг., в период «расцвета клинтоновского интернационализма и глобализма» [17; с.12]. Литература по глобальному управлению являлась частью сформированной управленческой рациональности, акцентируя внимание на глобализационных трендах и возрастании кооперации, говоря о тенденции размывания государственного суверенитета и определяя негосударственных акторов как важнейших акторов мирорегулирования [14]. Дискурс глобального управления не связан напрямую с политическими трансформациями, однако при помощи научных и ненаучных публикаций он легитимировал определенные тренды и представлял их как неизбежные. Как иногда подчеркивается, именно США заинтересованы в распространении дискурса глобального управления.

Со временем, однако, дискурс «глобального управления» начал отступать под влиянием новой ситуации [11]. Само глобальное управление (особенно его успехи) перестало казаться неоспоримым эмпирическим фактом. Финансово-экономические кризисы, спонтанные всплески гражданского протеста, неудачные попытки решить вопросы экологической повестки дня, кризис западной модели глобального управления, сопровождающийся подъемом стран Незапада и другие признаки хаотизации

международных отношений придали популярность теме «турбулентности» (то есть нестабильности, кризиса, спонтанных изменений) в мировой политике^[3]. Как и дискурс «управляемости», новый дискурс определенным образом ориентирует международное сообщество, описывая суть глобальных процессов и задавая повестку дня. Дискурс турбулентности говорит о «разочаровании» во всем том, о чем говорили идеологи глобализации и глобального управления: разнородные глобализационные потоки так и не удалось поставить под глобальный контроль, попытки в основном не увенчивались успехом. В контексте нашей темы это выражалось, в частности, в разочаровании создать действенные институты кооперации между Россией и Западом, а также перестроить НАТО под новые международные реалии и в целом принять «новое мышление», чуждое конфронтационных стереотипов времен холодной войны^[8]. В результате страны стали все меньше ориентироваться на глобальный уровень; их интересы ограничивались региональным уровнем, а то и вовсе замыкались на себе и ближайшем окружении. Основной ценностью общества становится не развитие, а безопасность^[7], а приоритетом внешней политики — не делегирование суверенитета в наднациональные структуры, а защита собственного суверенитета^{[20][21][23]}.

Сохраняющееся недоверие между Россией и странами НАТО в целом и сегодняшние попытки изолировать Россию в частности, наносят серьезный удар по существующей системе глобального управления. Исключение России

из многосторонних институтов и заморозка сотрудничества по общим проектам означает отказ от проекта инклюзивного глобального управления, что подорвет легитимность соответствующих структур.

Альянс как порождение холодной войны так и не смог найти свое место в изменившемся миропорядке и стать настоящим инструментом коллективного глобального управления. Но провозглашение «новой холодной войны» на фоне обострившихся отношений России и Запада вовсе не значит, что новая миссия будет найдена: «никакой холодной войны прежнего типа на самом деле уже не будет — мир слишком другой, да и Россия не та»^[6]. Как известно, по истечении предыдущих двух кризисов (Косовского и Грузинского) сотрудничество между сторонами возобновлялось, что говорит о его устойчивости, и позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, окончание текущего кризиса неизбежно приведет к возобновлению сотрудничества, во-вторых, несмотря на противоречивость отношений, характер современных угроз не позволяет сторонам двигаться по пути конфронтации.

«Турбулентность» современной мировой политики не означает полного отказа от мироустройства: реалии международных отношений не позволяют странам полностью отказаться от многостороннего сотрудничества. Но стратегии глобального управления будут меняться. Они будут более гибкими и будут ставить своей целью не установление контроля за турбулентностью, а использование ее в целях определенных акторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барабанов О. Глобальное управление как тема для научного анализа // Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. — М.: МГИМО (У) МИД России, 2006
2. Военное сотрудничество России и НАТО. Справка // РИА Новости, 03.12.2009. URL: <http://ria.ru/politics/20091203/196861018.html>
3. Ефременко Д. В. В ожидании штормовых порывов // Россия в глобальной политике. 2 мая 2012. URL: <http://globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov-15527>
4. Заявление министров иностранных дел стран НАТО // Совет Россия-НАТО (Сайт). — 1 апреля. — 2014.: URL: <http://www.nato-russia-council.info/ru/articles/20140327-announcement/>
5. Иванов С. Партнерство, обретающее зрелость // Вестник НАТО. — 2005. — № 4.
6. Лукьянов Ф. Во что соберется НАТО [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике [сайт]. — 2014. — 1 сентября.: URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Vo-chto-soberetsya-nato-16904>

7. Матвеева К. А. Особенности социологического изучения рисков // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 1. URL: http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-031/vuu_09_031_13.pdf
8. Ознобищев С. К. Новый мир и отношения Россия — НАТО // Полис, 2011, N. 3. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/3/5.pdf>
9. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. — Париж, 27 мая 1997 г. URL: <http://www.nato.int/docu/basic/txt/fndrus.htm>
10. Практическое сотрудничество России и НАТО // nato.int. Декабрь 2013. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_12/20131127_131201-MediaBackgrounder-NRC_ru.pdf
11. Спонтанность и управляемость в мировой системе // Международные процессы. Том 10, № 2(29). Май-август 2012. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm>
12. Уроки недавних террористических актов // Новости НАТО. — 2005. — № 2. — С. 8.
13. Kriendler J. Reset is not four-letter word // Understanding NATO in the 21st Century: Alliance Strategies, Security and Global Governance. Edited by Graeme P. Herd (Geneva Centre for Security Policy, Switzerland) and John Kriendler (George C. Marshall European Center for Security Studies, Germany). NY: Routledge, May 2012. P. 98
14. Sending Ole Jacob and Neumann Iver B. Governance to Governmentality: Analyzing NGOs, States, and Power // International Studies Quarterly (2006) 50. P. 663 http://graduateinstitute.ch/webdav/site/political_science/shared/political_science/Multilateral%20Governance%20Autumn%202010/sending%20and%20neumann%202006.pdf
15. Statement by the NATO-Russia Council. 7 Sept. 2004. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p040907e.htm>
16. Understanding NATO in the 21st Century: Alliance Strategies, Security and Global Governance. Edited by Graeme P. Herd (Geneva Centre for Security Policy, Switzerland) and John Kriendler (George C. Marshall European Center for Security Studies, Germany).
17. Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. — М.: МГИМО (У) МИД России, 2006.
18. Филиппов В. Р. Договорная федерация и эксклюзивная этничность // Федерализм. 2002. № 4. С. 185–216.
19. Будаев А. В. Присутствие России в Бразилии: «мягкая сила» в двусторонних отношениях. // Латинская Америка. 2013. № 5. С. 61–65.
20. Манойло А. В. Сирийский тупик «Арабской весны». // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 6. С. 49–56.
21. Манойло А. В. Специфика цветных революций «Арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 3. С. 30–36.
22. Codagnone C., Filippov V. Equity, exit and national identity in a multinational federation: the «multi-cultural constitutional patriotism» project in Russia. // Journal of ethnic and migration studies. 2000. V. 26. № 2. P. 263–288.
23. Манойло А. В. Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. // Космополис. — 2008. — № 2. — С. 168–174
24. Манойло А. В. Убить котенка, или технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Мировая политика. — 2015. — 3. — С. 1–12. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.3.15973. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_15973.html
25. Карякин В. В. Актуальные проблемы российской политической науки и пути их решения // Мировая политика. — 2015. — 3. — С. 13–22. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.3.16126. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_16126.html
26. Грудцына Л. Ю., Петров С. М. Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // Административное и муниципальное право. — 2012. — 1. — С. 19–29.

27. Карпович О. Г. Демократические институты и их роль в системе государственного управления // Политика и Общество. — 2015. — 3. — С. 387–394. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.3.14781.
28. Калачев Д. Н. Основные направления сотрудничества России и НАТО // Тренды и управление. — 2015. — 1. — С. 36–43. DOI: 10.7256/2307–9118.2015.1.13712.
29. Насонкин В. В. Теоретико-методологические подходы к изучению системы образования в современном обществе. // Политика и Общество. — 2013. — 10. — С. 1213–1220. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.10.10166.
30. Бородинов Е. Н. Анализ нормандской встречи и её значение для России // Тренды и управление. — 2014. — 2. — С. 117–123. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12409.
31. Шитова Е. Н. «Демократия с прилагательными»: страновой аспект // Тренды и управление. — 2014. — 3. — С. 228–236. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.3.12752.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Barabanov O. Global'noe upravlenie kak tema dlya nauchnogo analiza // Antiglobalizm i global'noe upravlenie: Doklady, diskussii, spravochnye materialy. — M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2006
2. Voennoe sotrudnichestvo Rossii i NATO. Spravka // RIA Novosti, 03.12.2009. URL: <http://ria.ru/politics/20091203/196861018.html>
3. Efremenko D. V. V ozhidanii shtormovykh poryvov // Rossiya v global'noi politike. 2 maya 2012. URL: <http://globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov-15527>
4. Zayavlenie ministrov inostrannykh del stran NATO // Sovet Rossiya-NATO (Sait). — 1 aprelya. — 2014.: URL: <http://www.nato-russia-council.info/ru/articles/20140327-announcement/>
5. Ivanov S. Partnerstvo, obretayushchee zrelost' // Vestnik NATO. — 2005. — № 4.
6. Luk'yanov F. Vo chto soberetsya NATO [Elektronnyi resurs] // Rossiya v global'noi politike [sait]. — 2014. — 1 sentyabrya.: URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Vo-chto-soberetsya-NATO-16904>
7. Matveeva K. A. Osobennosti sotsiologicheskogo izucheniya riskov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2009. Vyp. 1. URL: http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-031/vuu_09_031_13.pdf
8. Oznobishchev S. K. Novyi mir i otnosheniya Rossiya — NATO // Polis, 2011, N. 3. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/3/5.pdf>
9. Osnovopolagayushchii akt o vzaimnykh otnosheniyakh, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Organizatsiei severoatlanticheskogo dogovora. — Parizh, 27 maya 1997 g. URL: <http://www.nato.int/docu/basicxt/fndrus.htm>
10. Prakticheskoe sotrudnichestvo Rossii i NATO // nato.int. Dekabr' 2013. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_12/20131127_131201-MediaBackgrounder-NRC_ru.pdf
11. Spontannost' i upravlyaemost' v mirovoi sisteme // Mezhdunarodnye protsessy. Tom 10, № 2(29). Mai-avgust 2012. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm>
12. Uroki nedavnikh terroristicheskikh aktov // Novosti NATO. — 2005. — № 2. — S.8.
13. Kriendler J. Reset is not four-letter word // Understanding NATO in the 21st Century: Alliance Strategies, Security and Global Governance. Edited by Graeme P. Herd (Geneva Centre for Security Policy, Switzerland) and John Kriendler (George C. Marshall European Center for Security Studies, Germany). NY: Routledge, May 2012. P. 98
14. Sending Ole Jacob and Neumann Iver B. Governance to Governmentality: Analyzing NGOs, States, and Power // International Studies Quarterly (2006) 50. P. 663 http://graduateinstitute.ch/webdav/site/political_science/shared/political_science/Multilateral%20Governance%20Autumn%202010/sending%20and%20neumann%202006.pdf
15. Statement by the NATO-Russia Council. 7 Sept. 2004. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p040907e.htm>
16. Understanding NATO in the 21st Century: Alliance Strategies, Security and Global Governance. Edited by Graeme P. Herd (Geneva Centre for Security Policy, Switzerland) and John Kriendler (George C. Marshall European Center for Security Studies, Germany).

17. Antiglobalizm i global'noe upravlenie: Doklady, diskussii, spravochnye materialy. — M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2006.
18. Filippov V. R. Dogovornaya federatsiya i eksklyuzivnaya etnichnost' // Federalizm. 2002. № 4. S. 185–216.
19. Budaev A. V. Prisutstvie Rossii v Brazilii: 'myagkaya sila' v dvustoronnikh otnosheniyakh. // Latinskaya Amerika. 2013. № 5. S. 61–65.
20. Manoilo A. V. Siriiskii tupik 'Arabskoi vesny'. // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2013. № 6. S. 49–56.
21. Manoilo A. V. Spetsifika tsvetnykh revolyutsii 'Arabskoi vesny'. // Izvestiya Ural'sk. Federal'nogo Un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki. 2013. № 3. S. 30–36.
22. Codagnone S., Filippov V. Equity, exit end national identity in a multinational federation: the 'multicultural constitutional patriotism' project in Russia. // Journal of ethnic and migration studies. 2000. V. 26. № 2. P. 263–288.
23. Manoilo A. V. Nesilovoe regulirovanie mezhdunarodnykh konfliktov. Kul'turno-tsivilizatsionnye paradigmy. // Kosmopolis. — 2008. — № 2. — S. 168–174
24. Manoilo A. V. Ubit' kotenka, ili tekhnologii konfliktnoi mobilizatsii v sotsial'nykh setyakh // Mirovaya politika. — 2015. — 3. — С. 1–12. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.3.15973. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_15973.html
25. Karyakin V. V. Aktual'nye problemy rossiiskoi politicheskoi nauki i puti ikh resheniya // Mirovaya politika. — 2015. — 3. — С. 13–22. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.3.16126. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_16126.html
26. Grudtsyna L. Yu., Petrov S. M. Vlast' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: vzaimodeistvie i protivostoyanie // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. — 2012. — 1. — С. 19–29.
27. Karpovich O. G. Demokraticheskie instituty i ikh rol' v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Politika i Obshchestvo. — 2015. — 3. — С. 387–394. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.3.14781.
28. Kalachev D. N. Osnovnye napravleniya sotrudnichestva Rossii i NATO // Trendy i upravlenie. — 2015. — 1. — С. 36–43. DOI: 10.7256/2307–9118.2015.1.13712.
29. Nasonkin V. V. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu sistemy obrazovaniya v sovremennom obshchestve. // Politika i Obshchestvo. — 2013. — 10. — С. 1213–1220. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.10.10166.
30. Borodinov E. N. Analiz normandskoi vstrechi i ee znachenie dlya Rossii // Trendy i upravlenie. — 2014. — 2. — С. 117–123. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12409.
31. Shitova E. N. 'Demokratiya s prilagatel'nymi': strannovoi aspekt // Trendy i upravlenie. — 2014. — 3. — С. 228–236. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.3.12752.